

РАСПАДЕТСЯ ЛИ СВЯЗЬ ВРЕМЕН?

1. Советская военная классика — Казакевич, Некрасов, Симонов, Бакланов, Бондарев, Быков, Воробьев, Курочкин, Богомолов, Астафьев — выходила в свет при жестких цензурных ограничениях. Делает ли это ее устаревшей?
2. Видите ли Вы в советской литературе о войне какое-нибудь сходство с литературой «потерянного поколения»?
3. Могут ли написать что-то значительное о войне писатели, ее не пережившие?
4. Что в военной теме становится наиболее волнующим — тема подвигов или тема страданий? Война — предмет гордости за предков или сострадания к ним?
5. Использование военной темы в политических целях возвышает или снижает образ войны?
6. Какие фильмы о войне Вы считаете самыми удачными и самыми неудачными? Почему?
7. Устанут ли когда-нибудь новые поколения праздновать День Победы? И что для этого должно произойти?

Марк Амусин, критик, литературовед (Израиль)

1. Пожалуй, нет. В произведениях перечисленных авторов раскрывалась в основном так называемая «лейтенантская правда» войны, и этот взгляд на военную реальность в упор был искренним и правдивым. А цензура, очевидно, заботилась о том, чтобы не было нежелательных «обобщений», критических суждений по адресу Сталина, командующих фронтами, генштаба, фактографию как-то пропускала. Поэтому военная классика по сути не устарела.
2. Нет, в целом не вижу. Исключение, может быть, составляют повести Константина Воробьева с их особой, бескомпромиссно горькой тональностью.
3. Скорее всего, нет. А главное — у произведений таких писателей заведомо не будет исходного «кредита доверия». Правда, тут я имею в виду произведения о Великой Отечественной. Роман Маканина (не участвовавшего в чеченской войне) «Асан», например, — особая статья.
4. Эти темы — не взаимоисключающие. И у Быкова, и у Казакевича, и у большинства других авторов подвиги и страдания переплетены неразрывно. То же самое — относительно гордости и сострадания. Нарушить это динамическое равновесие можно только из конъюнктурных соображений.
5. Безусловно, снижает, хотя без этого никогда не обходится.
6. Трудно, наверное, перечислить все удачные, по-настоящему сильные фильмы о войне советского периода, причем вполне разноплановые. От «Летят журавли» и «Баллады о солдате», через «Хронику пикирующего бомбардировщика» и «В бой идут одни старики» до таких изощренных опусов, как «Восхождение», «Двадцать дней без войны», «Торпедоносцы» — идет линия на трагигероическое изображение и осмысление той эпохи. Фильмы о войне постсоветского периода, как правило, менее достоверны, менее глубоки и отдают слишком большую дань эффектам, работающим «на касу». Это, однако, естественно.
7. Думаю, что устанут. Как там писал Кафка о завершении подвига Прометея: «Боги устали, устали орлы, устало закрылась рана». Это не только эффектный афористический жест, но и фиксация грустной истины. Все рано или поздно заносится песком эн-

тропии и равнодушия. Когда-нибудь победа в Великой Отечественной станет таким же «музейным» фактом, как пожар Москвы и разгром Наполеона. Но пока до этого далеко.

Денис Драгунский, писатель (Москва)

1. Историк Александр Некрич, многое сделавший для прояснения вопроса о «внезапном и вероломном» нападении Германии на СССР, сказал когда-то, что хорошей научной статье цензура не страшна. Как ее ни обстригай и ни приглаживай, смысл останется. Думаю, что это же относится и к художественной литературе. Хороший роман цензурой не испортишь — разве что попортишь нервы автору. Книги некоторых авторов (из перечисленных в списке) и в самом деле не то чтобы устарели в принципе, но потеряли прежнюю жгучесть. С моей точки зрения, это относится ко всем, кроме Быкова и Астафьева. Жаль, что не упомянуты Василий Гроссман и Морис Симашко, авторы очень сильные. Я понимаю, почему пропущены авторы, собиравшие премии и переиздания — Чаковский, например, Березко, Стаднюк, поздний Шолохов, писавшие точно в русле заданий партии. Мы их теперь не считаем классиками, а в свое-то время — о-го-го.

2. Нет, не вижу. Прежде всего потому, что классический антивоенный роман, вроде «На западном фронте без перемен» Ремарка в СССР был в принципе невозможен именно в силу идеологической цензуры. Еще менее возможен был такой текст потерянного поколения, как роман «Путешествие на край ночи» Луи-Фердинанда Селина. Да и то сказать — в 1945–1965 годы — двадцатилетие после войны — советским демобилизованным литературно одаренным солдатам сама жизнь не давала никакой возможности стать «потерянным поколением». Разные миры! Власть ни на секунду не теряла этих людей из виду, не переставала ими руководить. Кому-то платила неплохие гонорары, кого-то арестовывала и ссылала, на кого-то надевала тесную сбрую служащего. Что-то я не припомню, чтобы советские молодые писатели 1940–1960-х годов днями напролет сидели в маленьких кафе, жили в мансардах и писали книги для маленьких частных издательств. Другая, совсем другая жизнь, и состояние поколения тоже совсем другое.

3. Полагаю, что да. Лев Толстой будет для нас вечным примером и укором. Да и вот Литтл со своими «Благоволительницами». Будет талант — будет и значительная книга.

4. Это зависит от автора. Сейчас, как мне кажется, военная тема стала именно полем битвы между двумя концепциями памяти о войне: памяти о героях и памяти о жертвах. Это, кстати говоря, делает тему войны практически бесконечной, неисчерпаемой. Описанная в документальной книге «Одинокая война» история 375-й стрелковой дивизии, которая в течение года брала обезлюдевшую деревню Прасоловка в Калужской области, положив на это два своих личных состава (более 20 000 человек), да так, по сути, и не взяла; деревня оказалась в нашем тылу лишь в ходе общего контрнаступления фронта, — эта история ставит неразрешимый вопрос о соотношении жертвенности и героизма, об осмысленности потерь, об искренней и правдивой памяти.

5. Война — это гигантское политическое действие. Поэтому использовать тему войны без политической смысловой подоплеку — демократической, авторитарной, имперской, националистической и т. п. — в принципе невозможно.

6. Самые, на мой взгляд, неудачные фильмы о войне — это веселые и легкие картины типа «В шесть часов вечера после войны» или «Небесный тихоход». Самые лучшие, на мой взгляд, — это «Проверка на дорогах» Алексея Германа, «Сотников» Ларисы Шепитько. Остальные, включая грандиозные эпопеи Озерова, все же полезны для современного молодого зрителя. Напоминают ему, что война была и что это было нечто тектоническое, всеохватное, гигантское и грозное.

7. Наверное, да. Но в неблизком будущем. Например, день победы в Отечественной войне 1812 года Россия праздновала 103 года — до 1915-го. Это было 25 декабря, в Рождество и в день царского манифеста о победоносном изгнании французов. Обратим внимание — Отечественная война окончилась 25 декабря 1812 года, а далее начался Заграничный поход русской армии, завершившийся победоносным вступлением в Париж 31 марта 1814 года. Но через век с небольшим, в уважение Франции как союзницы по Антанте, праздник был отменен.

Я не думаю, что празднование Дня Победы будет отменено декретом. Но полагаю, что через какое-то время накал празднования снизится, и этот день постепенно войдет в общий список великих побед России, наряду с Куликовым полем, Стоянием на Угре, Полтавской битвой, Отечественной войной 1812 года, освобождением Болгарии в 1877-м... Но будет это совсем не скоро.

Светлана Друговейко-Должанская, филолог (Санкт-Петербург)

1. Отнюдь не делает. Ведь в литературе мы ценим не отражение действительности, а способ ее осмысления. Кроме того, вопрос этот касается не только государственной цензуры — но и самоцензуры, но и отражения некоторых идеологических запретов в сознании людей того поколения. Иначе говоря, любое художественное произведение — это еще и документ эпохи.

2. Признаться, не вижу. Но, быть может, моя оптика недостаточно точна. На мой взгляд, трагедия «потерянного поколения» (в терминологическом смысле этого определения) в неумении его представителей, сформировавшихся в экстремальных обстоятельствах, адаптироваться к обычному, рутинному существованию, смириться с обыденностью. В этом смысле «потерянным» можно считать любого человека, в молодости участвовавшего в войне (неважно какой — Великой Отечественной, афганской, чеченской), в более широком — любое поколение, складывавшееся в условиях, отличных от тех, в которые ему пришлось жить.

3. Несомненно. Так же как и самое значительное произведение об умирании человеческого тела и одновременном пробуждении души («Смерть Ивана Ильича» Льва Толстого) основано не на собственном физическом опыте его автора.

4. Настоящая литература всегда интересуется прежде всего человеком — его переживаниями, его проявлениями в тех или иных обстоятельствах. Андрей Болконский под Аустерлицем, с его размышлениями о «ничтожестве всего того, что... понятно, и величии чего-то непонятого, но важнейшего» — это и о подвиге, и о страданиях.

5. Использование любой вечной темы в сиюминутных целях (а политика всегда сиюминутна) превращает в «низкую истину» все, что «нас возвышает».

7. Мне кажется, что для многих представителей поколения нынешних тридцатилетних Великая Отечественная война — это война их дедушек и бабушек, то есть близких людей. Так, бабушка моей дочери, рожденная в 1939-м, всю блокаду пережила в Ленинграде вместе со своими родителями, которых моя дочь хотя и смутно, но все же помнит. То есть это все еще близкая история. А для меня самой, например, и Первая мировая, и Отечественная война 1812 года — это тоже все еще близкая история: благодаря конкретным людям, чьи имена я помню и чьи портреты висят в Эрмитажной Галерее 1812 года, благодаря Цветаевскому «Генералам двенадцатого года» и другим литературным текстам. На мой взгляд, не просто память об этих исторических событиях, но и ощущение их как близкой истории, к которой ты лично причастен, и означает «нераспавшуюся связь времен».

Владимир Елистратов, филолог (Москва)

1. Цензура всегда была, есть и будет. Идеологическая цензура советской эпохи, с одной стороны, была кошмаром, с другой — создавала то экзистенциальное напряжение, которое и делало литературу Литературой. Рыночная цензура на это не способна. И — к сожалению, и — к счастью.

А советская военная классика остается классикой. Другой вопрос, что ее все меньше читают и еще все меньше понимают. Когда я получил вопросник «Невы», я сделал свой опрос среди студентов (человек 200—300), кого они читали или о ком хотя бы слышали. Из перечисленных писателей. Можете мне не верить, но только несколько человек читали (якобы...) Астафьева, потому что он в школьной программе. Единицы слышали о Симонове. Остальное — тишина. Для них писатели, писавшие о войне, — это что-то вроде этрусков. И еще один очень важный и печальный момент: тот, кто не испытал того, что испытали эти писатели, при всем таланте Быкова, Курочкина, Воробьева и др., думаю, не поймут и не почувствуют даже 1 % из того, что заложено в этих текстах. Это грустно. Но вместе с тем мудро: так уж устроена человеческая история: нужно, конечно, крепко все помнить, но все-таки отчасти нужно и забывать. Иначе цивилизация сойдет с ума. Потому что война — это ад. Я хорошо помню моего покойного деда-ветерана, который кидал табуреткой в телевизор, когда там показывали пафосные фильмы про войну. Он не хотел видеть эти симуляторы ада, который он реально пережил.

2. Ремарк был на фронте полтора месяца. Старик Хэм тоже, мягко говоря, не прошел от Москвы до Берлина. Это все очень и очень уважаемые люди, но «потерянное поколение» — это бренд, сформулированный Г. Стайн и ставший, на мой взгляд, некой эстетико-интеллектуальной эмблемой, не более того. Слово «потерянный» у меня никак не ассоциируется с советской военной прозой. Да, трагедия, Великая Трагедия, огромное разочарование после возвращения к мирной жизни. Но все-таки герой рассказа А. Платонова «Возвращение» — возвращается к своим детям. Все-таки свет, а не мрак, как в «Прощай, оружие!». Вся военная русская проза как бы говорит: «Надо жить! Тяжело, но надо!»

3. Могут, если они пережили другую войну. Как, например, Л. Толстой о 1812 году. Но если человек не воевал, думаю, о войне он написать по-настоящему не сможет. Это как лечить больного, не имея медицинского образования. Или быть инструктором по чрезвычайным ситуациям, не побывав в ЧС.

4. Гордость и сострадание никак не исключают друг друга. Гордиться за тех, кто страдал. Да еще и страдал-то за тебя, такого сытого и обустроенного «хозяина мира». Дорогого стоит.

5. Ответ очевиден. Использование темы войны в любых других прагматических целях, кроме реального освещения темы войны, не то что снижает, а просто лишает эту тему хоть какого-то содержания. Сразу же налетают стаи политических (и не только — эстетических, экономических и прочих) стервятников и начинают делать то, что они делают. В случае с Великой Отечественной войной мы должны понять одно: это — наше прошлое, наша, если угодно, генетика, это наша кожа, кровь, кости. В нашей коже, крови и костях нет никакой политики и экономики. Это — мы. Тема Великой Отечественной — совершенно интимная тема для каждого. И современная, как сказал один философ, «порнографическая» культура с ее снятием запретов на обсуждение всего-всего совершенно неприемлема для Великой Отечественной. Это в сто раз интимнее, чем секс и проч.

6. Есть десятки блестящих фильмов о войне — от душераздирающих, как «А зори здесь тихие...», до концептуально-долгоиграющих, как «Семнадцать мгновений весны». Десятки, может быть, сотни. Насчет неудачных... Я бы вместе с В. Меньшовым порвал название того фильма, который он порвал. Ужасная гадость.

7. Надеюсь, нет, не устанут. Ничего не должно произойти. Просто все должно происходить так, как происходит.

Вера Калмыкова — филолог (Москва)

1. Между прочим, интересно было бы проследить цензурную историю произведений каждого из этих писателей — я ее совсем не знаю и даже не представляю себе, какая она. Поэтому дальнейшие размышления приблизительны. Чего требовала советская цензура? Изображения беспримерного подвига советского солдата в Великой Отечественной войне. Чего требует современный молодой читатель? Говорю о нем, потому что сейчас ведь на него ставка, люди моего возраста и старше, возможно, и не станут перечитывать Астафьева или Бондарева — эти книги уже давно в нас. Итак, современный молодой читатель ждет героя, совершающего беспримерный подвиг. Ему, современному читателю, очень не хватает романтического идеала и соответственного чтения. Но на мякине его не проведешь, он очень недоверчив. У Казакевича—Астафьева такие герои и есть. Но и психологические мотивы разработаны довольно точно. Без психоанализа, да. Только вопрос, так ли уж хороша психоаналитическая литература.

2. То есть, говоря по существу, вижу ли я сходство героев Бондарева и Ремарка или Некрасова и Хэмингуэя? (О стиле ведь бессмысленно говорить: и там, и сям реализм, но и романтический момент очень важен, другой вопрос о пропорции того и другого.) Конечно. Молодость. Отчаянная жажда жизни. Не менее отчаянное, категорическое требование счастья и любви. Острее чувство несправедливости, неправильности происходящего. Воевать никому не нравится. Другое дело — различия, но вопрос не о них.

3. Речь только о прозаиках?.. Потому что поэты, причем поющие, в первую очередь Владимир Высоцкий и Юрий Визбор, создали замечательные вещи. Это следующее за военным поколением «опоздавших на войну», всю жизнь скорбевших, что им не досталось сражений и подвигов, и художественно восполнявших недостаточность личного опыта.

4. Думаю, что военная тема — как раз такая, которая раскрывается через единство страдания героя, сострадания читателя и гордости за тех, кто совершил подвиги. Простой школьный пример — «Судьба человека»: страдаем мы Соколову? Испытываем гордость за него?.. Можно это разделить?

5. По-моему, вопрос надо ставить иначе: возвышает или снижает политику(-а) использование образа войны в тех или иных целях? Образ войны пострадать не может, как показывает практика, ни от чего. Если он у человека уже сложился, вошел в картину мира, он непоколебим. Как он складывается, почему, из чего, под каким или чьим влиянием — иное дело.

6. В советское время о войне было снято много очень хороших фильмов. «А зори здесь тихие...» С. Ростокского — первое, что пришло в голову. Но не только он. Сомнительное кино я, как правило, не смотрю, но несколько кадров «Сталинграда» Ф. Бондарчука внушили прямо-таки физиологическое отвращение: в дальнейшем этому режиссеру придется очень постараться, чтобы я ему поверила.

7. Могу судить только по своим младшим друзьям, двадцатилетним. Для кого-то празднование Дня Победы — вежливая формальность. Для кого-то — действительное переживание событий не как давних, а как вчерашних, совсем свежих, в этом есть не-

которая аналогия с переживанием христианских праздников. От чего зависит? От семьи, безусловно. От индивидуальной эмпатии, эмоционального настроения, уровня культуры, кстати говоря. Усталость всегда провоцируется потерей веры, доверия, мировоззренческим кризисом, утратой идентичности, чувства связи со старшими поколениями своей семьи... Словом, всем тем, чем вызвано бывает безверие.

Владимир Кантор, филолог (Москва)

1. Классика и есть классика. Она не устареет, так ведется со времен поэмы о войне под названием «Илиада». Как говорил Мандельштам, Гомера три тысячи лет не печатали, а текст остался навсегда, на «Илиаду» ориентировался Лев Толстой в «Войне и мире». Цензура никогда не может уничтожить пафос состоявшегося произведения. Она может запретить его, но великий текст бессмертен. Это не громкие слова. Вспомним роман «Жизнь и судьба» Гроссмана, вышедший на свет из небытия.

2. Не очень. Хотя нет, вижу. Тема стойкости, она у всех прошедших войну писателей.

3. Невоевавшие, но захватившие ее детством, как Высоцкий, Визбор, Городницкий. Люди, у которых воевали родители, жили в атмосфере личных воспоминаний о войне близких людей. Лучшие, на мой взгляд, тексты об этой войне послевоенного времени невоевавшего человека — это песни Высоцкого.

4. Война — это прежде всего ужас. Ничто, глядящее на человека вместо Бога. И вечная слава тем, кто преодолел этот ужас.

5. Политика принижает все, чего она касается. Это как проклятие Мидаса. Но без нее не обойтись, когда говоришь о победе.

6. Я, наверно, старомоден, но «Летят журавли» и «Баллада о солдате» — для меня это бесспорная классика. Очень неплох «В августе сорок четвертого» с Мироновым и Галкиным. А ширпотреб тоже много. Выбирать из него худший даже неохота.

7. Ну как сказать? Победу над Наполеоном не празднуют ведь, а шли на Россию «дванадцать языков». Всех победили, освободили Европу. Образованные помнят, толпа, конечно, не помнит. Как говорил мудрый Соломон, «и это пройдет». Хоть это и грустно.

Борис Колоницкий, историк (Санкт-Петербург)

1. Цензура как раз придавала особое значение многим подцензурным текстам, истории — правдивые и вымышленные — об истории литературных произведений надеялись их разными смыслами. Борьба/игра с цензурой заставляла авторов ориентироваться на разных читателей, подкидывать им ключи интерпретаций, толкований. Наверняка часть названных текстов будет «забыта», но это вряд ли будет связано с их подцензурным происхождением.

2. Сходство мне представляется все же очень отдаленным. В литературе «потерянного поколения» война бессмысленна, в советской литературе война оправдана, здесь есть место для героизма. «Потерянное поколение» противопоставляется отцам, в советской литературе — иные линии конфликтов.

3. Могут ли об армии писать люди, никогда не служившие? Могут ли мужчины писать о женщинах? Юноши о стариках? Это вопрос таланта и умения сопереживать. Память о войне может быть сохранена только в том случае, если с ней будут работать новые авторы, которые найдут новые слова, новые образы, новые смыслы, если они смогут актуализировать память о войне для новых поколений читателей и зрителей. И судьба советской классики зависит от новых прочтений и новых интерпретаций, новых актуализаций.

4. Такая постановка вопроса — весьма, кстати, распространенная — представляется мне неверной и очень... «советской». Можно ли противопоставить подвиг страданиям, а гордость состраданию? Можно ли анализировать тексты, образы, ритуалы с помощью оппозиций такого рода?

5. Самые разные примеры частого и постоянного политического использования прошлого, это приводило к разным последствиям, порой к непредвиденным и даже нежелательным для организаторов мемориальных акций. Иногда к забвению приводит неиспользование прошлого, а порой чрезмерное его переиспользование убивает память.

6. В юности многие фильмы о войне оказали на меня большое влияние. Но сейчас я не знаю, какой фильм о войне — новый или старый — я мог бы рекомендовать молодым людям. Везде мне чувствуется фальшь.

7. О какой временной перспективе идет речь? Десятки лет? Сотни лет? Тысячелетия? Наверняка человечество ждет новые катастрофы, нам не дано предвидеть их масштаб, но они могут затмить былые трагедии и былые победы.

Если же речь идет о поколениях моих детей и внуков, то это во многом зависит от того, насколько память о Великой войне будет для них актуализирована. Каждое поколение вспоминает историческое событие по-своему — до тех пор, пока оно его вспоминает.

Елена Краснухина, философ (Санкт-Петербург)

1. Любая литература принадлежит своему времени и о нем свидетельствует. Не правда, что Шекспир вечен. Сейчас он доступнее и понятнее иностранцам, потому что они воспринимают его в переводе, чем самим англичанам. Уже всерьез стоит вопрос о переводе Шекспира на английский — со староанглийского на современный. Цензура может служить оттачиванию литературного мастерства в ироническом жанре эзоповского иносказания, но там, где требуются не языковые игры, а правда, честность, достоверность, жестокость и смелость в описании, там цензура наносит литературе ущерб. Советская военная классика навсегда останется отчасти памятью о войне, отчасти памятью о цензуре. Спасибо писателям-фронтовикам за то, что творили на грани возможного для их времени.

2. «Какого-нибудь» сходства недостаточно, даже если его найти, для того, чтобы говорить о значительном историческом и литературном феномене, причем имеющем мировой резонанс. «Потерянное поколение» у нас есть. Это поколение 1923 года рождения, в котором из ушедших на фронт мужчин к маю 1945-го в живых остались три человека из ста. Литературная суть «потерянного поколения», конечно, заключается не в гибели на войне, а в том, чтобы полно выразить в литературе шоковый опыт как фронтовой, так и опыт обратного возвращения к мирной жизни, в проживании, осмыслении и фиксации в искусстве физической и моральной искаленности войной, разочарования в идеологическом пафосе. Советская военная литература творилась в жестком идеологическом каркасе, экспрессию трагического мироощущения она могла позволить себе крайне дозированно. В литературе что-то удалось, гораздо беднее в плане трагической правды о войне изобразительное искусство, тяготеющее к плакатности с ее мобилизационным духом. Однако если у испанцев есть Гойя и его серия гравюр «Бедствия войны», далекая от ее прославления, то в России есть гравюры и скульптуры Вадима Сидура, скульптуры, преодолевающие материальность этого вида искусства, скульптуры, в которых нет ничего от тела, а только сама душа, ее крик, боль, отчаяние и скорбь.

3. Произведения о войне авторов послевоенных поколений появляются и будут еще создаваться. Порой неожиданные и спорные, как, например, фильм «Дылда». Во-первых, если они основаны на ранее недоступных документах и новых исторических исследованиях, то могут оказаться в чем-то не менее правдивы, чем свидетельства участников войны, каждому из которых открывалась не вся картина происходящего. Во-вторых, заинтересованный взгляд «со стороны» или из будущего открывает возможность ранее не осуществленных интерпретаций и оценок исторического события. О всяком времени стоит судить не только по его самооценке. Большое видится на расстоянии, как писал Сергей Есенин.

4. Существует несколько форм исторической памяти: триумфальная, идеологически мифологизированная, скорбная, конституированная травмой или моральным сознанием исторической вины. В отечественном общественном сознании они представлены не в равной степени.

Принято говорить, что историю пишут победители. Однако важно подчеркнуть и иное обстоятельство — историю пишут выжившие в ее катаклизмах. Мертвые — это немые свидетели. Для выживших в Великой Отечественной войне и их потомков память о войне структурируется событиями и датами ее завершения, она сконцентрирована на праздничном Дне Победы. Однако большинство участников и свидетелей исторического события войны, воевавших и погибших на фронте, заблокированных в Ленинграде и умерших от голода, не были свидетелями прорыва и снятия блокады, они так и не узнали о победе СССР над Третьим рейхом. Они не имели опыта победы, их опыт участия в войне был иным, но память о нем была недолгой, как и сама их жизнь. Мы имеем ситуацию, при которой огромное число участников и свидетелей трагического исторического события уже не могут его помнить, а последующие поколения знают и помнят событие войны в ретроспективном ракурсе ее завершения и победного итога, не принимая при этом в ней никакого участия. Участники не могут помнить, помнящие не могли участвовать.

Отсюда и проистекает вопрос о том, какой характер — радостный или скорбный — должны иметь памятные даты, должны ли послевоенные поколения сосредоточиться на опыте праздника выживших или на скорбной памяти как поминании мучительно погибших. Памяти о войне без боли быть не может, не должно. Помнить войну — значит не забывать о павших, ощущать вокруг себя пустоту, отсутствие миллионов людей, их неродившихся детей и внуков. Пронзительно озвучил это чувство Владимир Высоцкий: «Наши мертвые нас не оставят в беде, / Наши павшие — как часовые».

В этих строках вся сила инверсии — не мы храним память о них, а они нас хранят. Их нет с нами, но мы никогда не сможем жить без них. Как сказал Эрнест Ренан в размышлениях о том, «Что такое нация?»: «Общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф».

Есть герои, а есть жертвы войны. Жертва жертве рознь. Два вида жертвы различаются соответственно добровольностью и пассивной принудительностью, осмысленностью в контексте святости жертвы и в контексте преступного на нее посягательства. Сакральность жертвы подразумевает героизм, наличие свободной воли и высокой цели, а виктимность жертвы есть результат насилия и преступления, она требует скорби и справедливого суда. Люди скорбно чтят мемориалы Аушвица и Бухенвальда не потому, что они были местами концентрации героев. А вот голодную смерть в Ленинграде принято считать героической, хотя правильнее было бы говорить об узниках и мучениках блокады. Не всегда стоит именовать мучеников героями и подменять скорбную память о виктимности жертв триумфальной памятью их сакральности. Не всегда оправданная сакрализация жертв неправомерно приписывает им наличие смысла и блокирует сострадание.

5. Конечно, возвышает. Но разве война достойна возвышения и прославления? Мы должны четче, чем у нас принято, различать память о войне и память о победе. Радость победы не означает радость войны, хотя военные победы без войн невозможны. Историческая память простирается в диапазоне от «1939—1945. Никогда больше» до «1941—1945. Можем повторить».

6. «Проверка на дорогах» (1971). Режиссер Алексей Герман. По повести Юрия Германа «Операция „С Новым годом“».

«Восхождение» (1976). Режиссер Лариса Шепитько. По повести Василя Быкова «Сотников».

Эти фильмы удачны, потому что в их основе лежит хороший литературный источник, вопреки общему правилу, согласно которому по хорошей книге трудно снять хороший фильм, а хороший фильм порой не имеет законченного сценария и додумывается по ходу съемок. Фильмы эти хороши, так как созданы талантливыми людьми, их успех не определяется конъюнктурностью или юбилейностью темы.

«Подводная лодка» — «Das Boot» (1981). Режиссер Вольфганг Петерсен. По роману Лотара Гюнтера Буххайма.

Классика мирового кино о Второй мировой войне. Рассматривать Великую Отечественную войну совершенно вне контекста Второй мировой войны полагаю aberrацией исторической памяти.

Плохое кино не вижу смысла ни смотреть, ни обсуждать.

7. Мы не празднуем общенародно и в каждой семье победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года или над Мамаем в Куликовской битве. Когда-нибудь и Великая Отечественная война 1941—1945 годов уйдет в далекое прошлое, но это произойдет еще не скоро. В настоящий момент мы перешагнули важный рубеж — мы осваиваем новые способы хранить память о войне уже практически без самих ее участников и свидетелей силами их послевоенных потомков. При этом меняется характер памятования и ознаменования военных дат. Официальная государственная организация памятных дат дополняется спонтанной инициативой снизу в форме шествия «Бессмертного полка». Идеологически-политические смыслы отчасти уступают место личному семейному человеческому эмоциональному отношению к ритуалам памяти. Праздничная радость салютов и парадов оставляет место еще и траурным нотам и жестам поминовения. В петербургском календаре до сих пор значимы даты не только прорыва и снятия блокады, но и ее начала. Это место в нашей памяти еще болит и будет болеть еще долго.

Елена Крюкова, писатель (Нижний Новгород)

1. Сквозь слова все равно пробьется истина. Правда. Искреннее чувство, большое переживание. Искусство — это чувство. Эзопов язык, быть может, это и есть метафорический язык. Поэт изначально владеет им. Поэтому ему не страшен ни оскал государственного строя, ни государственная расхлябанная вседозволенность, никакие другие выверты общественной жизни. Художник вне диктата времени. Он — над временем. Однако его материал, то, с чем он напрямую работает, — время.

Тут, как говорится, надо договориться о терминах. Что значит «устаревший», «недавний», «новый», «новейший», «забытый», «воскрешенный»? Все мы однажды умираем, и нас забудут. Тех, кто оказался слабее всех, забудут быстро. Те, кто работал сильно, так, что издали видно, продержатся дольше в памяти людской, в памяти культуры. И только те, кто оказался заряженным Господом Богом почти как Бог и умел свободно говорить на Его языке, будут жить долго, очень долго и не устареют. Может быть, здесь применимы слова «никогда» и «всегда» (никогда не устареют, всегда бу-

дут жить). Гению никакая цензура не страшна. Вернее, ее существование в те времена, когда жил и творил художник, самую стихией его художества не берется в расчет.

И еще. Время делает витки. На каком-то витке интерес к творчеству того или иного автора ослабевает. На каком-то — вспыхивает! И опять ярко горит, пылает забытый факел. При свете этого огня мы можем яснее, безусловнее различить эпоху, ее приметы, ее горести и радости.

Я не раз слышала: «Астафьев устарел! Быкова никто не читает! Симонова знают только по одному стихотворению!» Да, есть такая вездесущая, вечная болезнь — ход времени. По-ахматовски: бег времени. «Но как нам быть с тем ужасом, который / Был бегом времени когда-то наречен?» Время бесстрастно пробегает отрезок своей загадочной для живых и мертвых, ничем не измеримой дистанции — и за его спиной, на забытых трибунах остаются его страстные зрители, его болельщики и страдальцы. И этот холодный стайер не оборачивается назад. А Астафьев — как был, как и есть Астафьев, что вчера, что сегодня, и останется Астафьевым. Никуда он не денется из истории русской литературы XX века. И Быков не денется. И пока человек на земле жив, люди, пусть единицы, не миллионы, будут шептать, повторять: «Жди меня, и я вернусь. Только очень жди...»

2. Отклики, отзвуки, ассоциации, аллюзии, переключки... Все это связывает времена, отраженные в искусстве, — явления, произведения, стили, тематику. И есть еще переключка чувств. Она идет на уровне дыхания, интонации, словесной музыки, не только эмоции или событийности. Литераторы «потерянного поколения» попали во время аккуратно между двумя чудовищными войнами. И те, кто выжил в Первой мировой, после исторической передышки запросто могли отправиться на Вторую. Так же, как и наши солдаты: юношами бились на фронтах Первой мировой, потом досыта хлебнули Гражданской, а потом и Вторая подоспела.

Наши писатели отваживались на трагические дерзости и страшные безумства, избражая революцию и Гражданскую войну. «Железный поток» Серафимовича и «Россию, кровью умытую» Артема Веселого мало кто переплюнул. В шолоховской грандиозной эпопее «Тихий Дон» — тоже ужасы гражданской бойни. После «Тихого Дона» открываешь «Огонь» Анри Барбюса — и видишь ту же попытку изобразить этот ужас, безумие это оголтелое, царство смерти. Но кто сильнее, просто по-писательски? Скажете: да они разные! Да, разные. Всяк поет своим голосом. Просто потом началась Вторая мировая — для нас Великая Отечественная, — и советские писатели вынуждены были создавать не только трагические, но духоподъемные вещи. Это во время войны. Доходило до откровенной жестокости: «...сколько раз увидишь его, / Столько раз его и убей!» Константин Симонов понимал: так НАДО. Это стихотворение было сродни плакату. Такою явилась и знаменитая песня «Священная война». А потом, после, когда бои отгремели?

Бондарев и Астафьев смогли возвысить голоса и спеть свои страшные песни о войне в 70—80-е годы. «Горячий снег», «Берег» Юрия Бондарева, «Прокляты и убиты» — последний роман Виктора Петровича Астафьева. Сколько они вызвали нареканий! Сколько — откровенного сопротивления и даже открытых оскорблений! Тем не менее писатели сказали, что хотели. Не могли не сказать.

Патриотизм хорош. Знамя хорошо высоко и смело поднимать. В особенности в сражении. Но на другом конце коромысла — правда черной безвременной, мученической смерти и живой крови. Она звучит так: «Писано было, что все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут Богом прокляты и убиты». Старообрядческая стихира... Сибиряк Астафьев, рядовой 7-й артиллерийской, орденов Ленина, Суворова, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени дивизии прорыва, входившей в состав 7-го артиллерийского корпуса основной ударной силы 1-го Украинского фронта, хорошо, твердо, наизусть, быть может, сызмальства помнил эти святые слова.

3. Могут. Художнику необязательно воевать, чтобы написать войну, выпивать яд, чтобы достоверно написать «Ромео и Джульетту», подготовиться резать своего сына, чтобы, как Рембрандт, изобразить жертвоприношение Авраама, брать с красноармейцами и революционными матросами Зимний дворец, чтобы достоверно написать взятие Зимнего. Художник проживает и переживает все, что сочтет нужным сделать как мастер, и все, что неожиданно-негаданно преподносит ему как подарок, Бог. Ну да, вроде бы хорошо писать по живым впечатлениям! Не ошибешься! Но. Лев Толстой не был на Бородинском поле. Хотя, да, был в военном Крыму. Однако неведомое, не пережитое им Бородино вышло из-под его пера таким истинным, убедительным и потрясающим, что за подобной правдой не угнаться дотошным очевидцам. Не забудем: «Война и мир», «Тихий Дон» — исторические романы. Да ведь и «Илиада» — исторический эпос.

4. И гордость, и сострадание. Война — невысказанное, жестокое, да, но обязательное условие существования мира. «Хочешь мира — готовься к войне», мы заучили эту поговорку чуть ли не со школьных лет. А на войне, что, как на войне?.. Хочешь выпрыгнуть из войны — кричи о мире?.. У Захара Прилепина есть роман «Патологии» — его первый роман. Там — опять ужасы войны. Пронзительно! И страшно. Насильственная, тяжкая смерть без прикрас. Эта прилепинская вещь — оглушительный крик против войны, какая бы она ни была — чужая, своя, нападение, защита. И это взгляд нынешнего человека: там иная оптика, не толстовская. Иной ракурс. Этот, современный, человек прекрасно видит, что от войны не убежать; не спрятать при ее появлении голову в песок, как пресловутый страус. Значит, надо ее принимать, изучать ее, понимать ее, знать ее. Идти на нее. Сражаться не только на ней, но и с ней. Разгадывать ее причины. Видеть — провидеть — ее следствия.

Что было бы с Советским Союзом, с Россией и республиками, если бы победил Гитлер? Какою страной мы были бы сейчас? Как планомерно уничтожался бы славянский народ и другие народы? Какой вид приняла бы искалеченная нация? Как бы мы выпрастывались из-под нового ига? Ну да, мы привычные. И воевать — умеем. Это нам идет только в плюс. Восстали бы? Новая кровавая революция?

Но уж точно мы бы не переняли тогда европейскую уютность и европейский услужливый сервис. Россия для этого слишком дикая и вольная. «Широко наше Дикое Поле, / Глубока наша скифская степь» (М. А. Волошин). Нас надо было бы фашистам сделать новыми рабами. И делали бы; и сделали; да вот надолго ли?

А помните эти слова Пастернака из финала «Доктора Живаго»? — «...война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления... Ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки...» О какой выдумке и ее бесчеловечии тут идет речь? О той тюремной и расстрельной стране, абсолютно реальной, невзирая на полную ее фантазмагоричность, что навывдумывал — и себе и всем жестко сконструировал — по лекалу своей чудовищной фантазии — Сталин? А страна была не только расстрельной и тюремной. Она была еще и страной борьбы, устремления, сражений за будущее, полетов, мечтаний. Да, Сергея Королева, главного конструктора, пытали в лагерях на Колыме. А Валерий Чкалов взмывал в полярные небеса на своем знаменитом АНТ-25. А Лидия Русланова пела на фронтах Великой Отечественной. А потом ее бросили, как дрова в печь, в лагерь. В Сибирь. В Озерлаг. И там, в лагере, швыряли в карцер — за острый язык, за попытку отчаянно сопротивляться унижению и боли. И она отмо- раживала в ледяном карцере себе легкие, кашляла, проклинала жизнь, теряла голос. Великая певица.

И это была ее, Руслановой, личная, отдельно взятая война.

Наша страна, как хлеб Причастия — вином, пропитана кровью людей и их трагедиями. И таких трагедий миллионы. В России нет семьи, где бы не воевали. И очень

мало семей, где не было бы узников. Миллионы людей повторили крестный путь Христа. Все мы тогда прошли своею *Via Dolorosa*.

У меня есть роман «Беллона» — о детях войны. Невозможно представить себе страдания ребенка на войне, во время войны. Я однажды решилась заглянуть в эту бездну — в глаза военного дитя.

И где же тут гордость? Она с нами. А где страдание? Оно тоже с нами. Навсегда. Из них сплетена соленая, ветхая сеть нашей памяти.

5. В политических целях военная тематика может быть использована только лишь в журналистике. В очеркстике. В обзорах. В интервью. В документалистике. Как может политическая цель проникнуть в художественное произведение и завладеть им всецело? Даже откровенный социальный заказ, подобный «Окнам РОСТА» Маяковского или всем на свете пафосным, на котурнах, советским текстам про Октябрьскую революцию, и то не работает на торжество политики, ибо все равно, несмотря на старания автора потрафить власти, остается явлением искусства. С оговоркой: если его выполняет художник. Художество прорвется через все официозные препоны. Политика преходяща, искусство вечно. *Ars longa, vita (aut civilitas) brevis*. Искусство вечно, жизнь (или политика) коротка.

6. Я редко смотрю кино... Что осталось в памяти? «Летят журавли». Не могу без слез глядеть на Самойлову. Вся атмосфера фильма отчего-то ассоциируется у меня со стихами позднего Пастернака. «Судьба человека». «Отец солдата». «Они сражались за Родину». «А зори здесь тихие...» — старый. «Живые и мертвые». «Список Шиндлера». Из фильмов про войны прежних лет — «Война и мир», наша. Из фильмов про войны новые — «Девятая рота».

А вот посмотрела «Сталинград» того же Федора Бондарчука — оценила антураж, но сердце когтем боли он мне не процарапал.

7. Давайте спросим себя: будут ли грядущие поколения праздновать День Победы, если не раздастся репризного приказа сверху? «Бессмертный полк» возник в Сибири, и — снизу. Полк идет по стране каждый май, и идут люди и несут портреты своих павших, памятных, любимых, незабвенных. Высоко поднимают над живыми своими головами. А когда-то, через долгие века, и их, павших, забудут. Просто пока все это, война, бои, Победа со слезами на глазах, еще очень близко, рядом, еще сильно болит. Пока что власть держит в руке дирижерскую палочку праздника. И пока еще живы ветераны войны; и они помнят; и помнят войну — пусть по рассказам, по семейным альбомам со старыми фотографиями — ну не помнят, так воображают ее, догадываются о ней их дети, внуки и правнуки. Что будет, когда сместятся геологические пласты времен? Память не вечна. Великая Отечественная война останется в преданиях, сказаниях, легендах, песнях. Как остались битва при Калке и Ледовое побоище, битва на Куликовом поле и Бородино. Она останется на страницах истории — реальных или виртуальных, это все равно. Но наступит время, когда из прежде крепких моллюсков древнейшего моря образуются сода, как на башкирских шиханах. Все перемелется. Праздника не будет. Но останутся люди. И их хромосомы останутся. И гены останутся. Наша память течет в нашей крови. Это не только информация про войну, что отгремела когда-то в незапамятные времена. Это боль пережитого твоими предками. Мы слеплены из этой боли. И из этой радости. Хоть не осознаем ее и подчас отвергаем ее. Нам с ней жить и умирать. Нам от нее никуда не уйти.

Михаил Кураев, писатель (Санкт-Петербург)

1. Цензура, как мне кажется, не определяет жизнеспособность сочинения. Самый жесткий цензор — время. Даже сохранившиеся немногие фрагменты и стихи — Архилоха, Анакреонта, Сафо — говорят нам о великолепных поэтах.

Если устареют какие-то сочинения из «советской военной классики», то, полагаю, не от цензурной потравы.

2. Скорее «нет», чем «да». «Советскую литературу о войне» писали, как-никак, победители. Но при этом можно мотивы литературы по классификации «потерянного поколения» услышать и у Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр!», Б. Балтера «До свидания, мальчики», в «лейтенантской прозе». А ближе всего, на мой взгляд, к «потерянному поколению» — «Прокляты и убиты» В. Астафьева, только едва ли это — советская литература.

3. Историческая проза — весомый пласт в отечественной литературе.

Кстати. О наводнении в «омраченном Петрограде» гениально написал поэт А. С. Пушкин, наводнения не видевший. И во времена Бориса Годунова не жил...

Личный опыт — вещь существенная, но талант в литературе первичен. Это прописи.

4. Победоносная война не может не быть предметом гордости, но кем же надо быть, чтобы не помнить, какой ценой эта победа нам досталась.

5. Это смотря в руках каких политиков. Мы же видим — кто возвышает, а кто наоборот.

6. К чести советских мастеров кино, честных, талантливых, удачных фильмов о войне немало. Начиная с «Солдат» и «Звезды» А. Иванова. Даже «Небесный тихоход» С. Тимошенко или «Подвиг разведчика» Б. Барнета в своем жанре, как говорил классик: «нужные и своевременные» картины, и талантливо исполненные, так же как «Женя, Женечка и „катюша“» В. Мотыля. И «Зеленые цепочки» Г. Аронова вполне удачная картина для своей аудитории.

И удачных много: А. Алов и В. Наумов («Мир входящему»), Г. Чухрай («Баллада о солдате»), В. Трегубович («На войне как на войне»), А. Герман («Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны»), С. Росточкин («У твоего порога»), С. Бондарчук («Судьба человека»)... Всех не припомнить.

Неудачные о войне? Да «Сталинградская битва», «Падение Берлина», «Освобождение» и т. д. — это не «о войне», это о мудрости, благородстве, самоотверженности руководителей и большого начальства и готовности советского народа «за ценой не постоять».

7. Для этого должны победить победителей и их наследников те, кто уже «устал» и скрежещет зубами при виде «Бессмертного полка».

Вадим Пугач, педагог (Санкт-Петербург)

1. Как всегда, дело в качестве литературы, а не в содержании. С трудом представляю, что «В окопах Сталинграда», «Сотников» или «Веселый солдат» могут устареть с какой-либо точки зрения.

2. Да, определенно. Это чувствуется почти везде у Бондарева, у Кондратьева в «Сашке», у Астафьева в «Проклятых и убитых».

3. Разве что какой-нибудь Лев Толстой появится. А так — не думаю. У новых писателей новые войны.

4. Для меня однозначно — сострадания. Вся эта история с раздуваемой гордостью мне совсем не нравится.

5. Опошляет.

6. Вообще я не знаток кинематографа. Еще менее — фильмов о войне. Лучшие советские фильмы о войне, по-моему, — это фильмы о войне Гражданской. Отечественной повезло меньше, слишком много в это привносили политики. Хотя «Иваново детство» или «Проверку на дорогах» можно отметить, наверно.

7. Как известно, все когда-нибудь начинается и заканчивается. Насколько я помню, государственным праздником День Победы стал в середине шестидесятых. Современ-

ники войны уходят. Трудно сказать, сколько может продержаться живая традиция, когда празднуют не по инерции.

Вячеслав Рыбаков, писатель (Санкт-Петербург)

1. Искренность не стареет. Сострадание не стареет. Уважение не стареет. Восхищение не стареет. А если средства их выражения несут на себе отпечаток той эпохи, когда эти чувства были высказаны — мы вдобавок узнаем еще кое-что немаловажное и о той эпохе, а не только о войне, и о людях, которые воевали уже не на поле брани, а на поле послевоенной культуры. Скажем, вот один из самых чистых и благородных фильмов о блокаде — «Балтийское небо». Любителям смакования зверств НКВД, уверенным, что коль уж им рассказал кто-то о неких пирах у Жданова, то они знают о блокаде всю правду, этот фильм, конечно, кажется лакировочным и полным лжи. Ведь врать можно только для того, чтобы изобразить жизнь хуже, чем она есть, а вот чтобы лучше — это совок и пропаганда. Но, на мой взгляд, «Балтийское небо» куда более правдив, чем, скажем, пресловутый совсем еще свежий «Праздник», про который уже мало кто помнит. И вдобавок он так много говорит нам об эпохе, когда его делали. Впрочем, фильм о блокадном обжорстве тоже много говорит нам об эпохе, когда его делали. И вот «Блокадное небо», странным образом, до сих пор не устарел. А «Праздник» устарел еще до того, как был смонтирован.

2. Нет. Положа руку на сердце, я назвал бы его «поколением, использованным не по назначению», и в военной литературе это хоть и не сказано прямо, но ощутимо. Те люди росли и воспитывались для того, чтобы строить, открывать, расширять горизонты. Покорять стратосферу, побеждать чуму в монгольских степях, спасать какого-нибудь очередного Нобиле... А вместо этого им пришлось целым поколением лечь на амбразуру вражеского дота. Понимая это, я с трудом сдерживаю слезы, и не только по просто погибшим, но и в целом — по утраченным возможностям, по резко сузившейся грандиозной перспективе. Но, с другой стороны, только они и могли заткнуть эту проклятую амбразуру. Только они.

3. Теоретически говоря, наверное, могут. Кажется, притчей во языцех уже стало, что никогда не бывший на войне Владимир Высоцкий писал о ней такие песни, что бывалые фронтовики говорили: правдивее этого я ничего не слышал, лучше этого о войне никто не написал. Тут ведь дело не в фактах, а в передаче ощущений. Если ты переживаешь по какому-то — в сущности, не очень важно какому, важно, что твоему личному — поводу то же самое, что переживали те, у кого «друг не вернулся из боя», те, у кого «в прошлом бою мессер сбит — я сделал с ним, что хотел», те, у кого «сыновья уходят в бой», те, чья «грубая наша работа дает вам возможность беспозлинно видеть восход» — ты имеешь все шансы сказать о войне правду, и чем сильнее ты это переживаешь — тем выше шансы, что твое высказывание окажется значительным.

4. Непонятное противопоставление. Чем гордиться, если не преодолением страданий? И ради чего преодолевать страдания, если не ради подвига? Гордиться может только тем, кому сострадаешь. А сострадать — только тем, кем гордишься.

5. Смотря каковы эти политические цели. Смотря ради какой политики этот образ используется. Но подробный разбор различий политики может нас слишком далеко завести.

6. Отчасти я на этот вопрос уже ответил. Добавление в этот список новых названий по смыслу ничего не добавит.

7. С маху тянет, конечно, с интеллигентным скепсисом, с деланным сочувствием вздохнуть и сказать, что нет, мол, ничего вечного. Это же многие сейчас говорят. Мол, вот вымрут наконец ветераны — тут-то мы и... Но мне уже приходилось писать («Нева»,

2009, № 4), что в атеистических или, во всяком случае, секулярных обществах история начинает играть объединяющую и вдохновляющую, задающую критерии Добра и Зла роль религии. А что-то я не замечаю, будто кто-то из религиозных людей вконец устал праздновать Песах или Пасху.

Ольга Славникова, писатель (Москва)

1. Я так не думаю. Война была огромна, и тема войны огромна. Какие-то аспекты происшедшего тогда (репрессии, заградотряды), безусловно, цензурировались. Но эти «слепые пятна» не мешали видеть многое другое — трагическое и значительное. Вообще, в поединке таланта и цензуры всегда побеждает талант.

2. Очень отдаленное. Первая мировая сильно отличалась от Великой Отечественной. Не столько вооружениями, сколько целеполаганием. Фашизм был абсолютным злом. И хотя на стороне нацистской Германии с Советским Союзом воевала половина Европы, там никто, даже теперь, во времена радикального переписывания истории, не признает за Гитлером правоты. А советские люди, в отличие от поколения Ремарка и Олдингтона, возвращались с войны с ощущением значительности совершенного. Они были именно правы, они сломали хребет зверю. Потому в советской военной классике нет этих щемящих нот растерянности, бессмысленности всего после бойни.

3. Да, могут. Для сегодняшнего автора это будет исторический жанр, где отсутствие непосредственных личных впечатлений компенсируется более широким, чем у очевидцев, углом зрения. Пример — прекрасный роман Сергея Самсонова «Соколиный рубеж», где прототипом главного героя, летчика-аса Григория Зворыгина, послужил трижды Герой Советского Союза Александр Покрышкин.

4. Подвиг всегда дается ценой страдания. Поэтому тема на самом деле одна.

5. Любое использование упрощает. Любая политическая пропаганда примитивна и другой быть не может. Не только в России — везде так. Конечно, превращение великой трагедии в карнавал, с детками в гимнастёрках и плясками под гармошку, не есть хороший вкус. Но это и массовое обезболивающее. В первые годы после войны снимались главным образом комедии, вроде «Кубанских казаков», и показанные там красивые реалии были очень далеки от голодной действительности. И это тоже была политическая пропаганда. Образ Великой Отечественной, который сегодня транслирует политический класс, содержит инъекцию обезболивающего для народа, который живет все хуже. По большому счету, Великая Отечественная заслуживает иного отношения, иного образного ряда. Но политика — дело циничное.

7. Видимо, должна произойти еще большая трагедия, еще более страшная война или катастрофа.

Евгений Степанов, поэт, издатель (Москва)

1. Думаю, что нет. Конечно, сейчас о войне нам всем стало известно больше. Но сила художественного слова перечисленных выдающихся писателей настолько велика, что нет сомнений — их книги останутся и не устареют. На мой взгляд, самая страшная книга о войне — это «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева. Тут нет никакой поэтизации, романтики войны, голая и беспощадная правда. Но и книга, например, Вениамина Каверина «Два капитана», где действие происходит не только на войне, для меня не менее значимая и знаковая. Потому что эта книга более метафоричная, она не столько о войне как таковой, скорее о войне добра и зла в человеке, о метафизической борьбе добра и зла. И метафора меня убеждает не менее сильно, чем окопная правда.

2. Конечно. И Ремарк, и Хемингуэй, и советские писатели показали, насколько война бесчеловечна, противоестественна. И каковы ее последствия для людей.

3. Уверен в этом. На мой взгляд, лучшие песни о войне написал Владимир Высоцкий, который, как известно, не воевал. Я думаю, что еще появится много хороших стихов о Великой Отечественной войне, стихов уровня «Жди меня» Константина Симонова, «Валенок» Иона Дегена, «Перед атакой» Семена Гудзенко... Это вечная тема.

4. Я думаю, и то и другое. Сейчас в нашем издательстве по заказу Совета ветеранов МИД РФ выходит замечательная книга А. И. Петренко и Н. Г. Фомина «Сотрудники Народного комиссариата иностранных дел на фронтах Великой Отечественной войны. (Хроника. Факты. Люди)». Это уникальное издание, где много новых сведений о подвигах и страданиях советских людей. Я был редактором этой книги. И когда читал ее, не мог не прослезиться: сколько же людей мы потеряли! Какими же страданиями оплачена наша свобода и жизнь на родной земле.

5. Я думаю, что никакие политики не могут обесценить нашу Победу в Великой Отечественной войне. Это подвиг народа. И этим подвигом невозможно не восхищаться.

6. Таких фильмов очень много. «А зори здесь тихие», «Парень из нашего города», «Два капитана» (и старый, и новый), «Офицеры», «В бой идут одни старики», «Проверка на дорогах», «Двадцать дней без войны», «Добровольцы», «Летят журавли», «Отец солдата», «Освобождение», «Горячий снег», «Два бойца», «Живые и мертвые», «Семнадцать мгновений весны», «Повесть о настоящем человеке», «Вечный зов», мне нравятся и современные сериалы «Штрафбат», «Апостол». Эти фильмы вошли в мою плоть и кровь. Цитаты из этих кинолент вспоминаю очень часто. Никогда не забуду, как Лопатин (актер Юрий Никулин) в фильме «Двадцать дней без войны» говорит: «Они думали, победа будет за ними. А будет за нами». И ничего не надо больше говорить. Все сказано. Потому что наше дело правое.

7. Нет, это невозможно.

Константин Фрумкин, культуролог (Москва)

1. Цензурные ограничения — вне зависимости от темы и таланта писателя — делают литературу не устаревшей, а, если так можно выразиться, «подозрительной», то есть знание о цензурных ограничениях, характерных для эпохи создания текста, должны побуждать и грамотного читателя, и тем более исследователя к бдительности, к попытке понять — что осталось за кулисами текста, какая сторона реальности в этих текстах последовательно замалчивалась, какие образы, сюжеты и линии создавались в соответствии с пропагандистскими штампами идеологемами и стандартными требованиями к литературе тех времен. Литература, созданная в эпоху жестких цензурных ограничений, точно не может быть единственным источником сведений о той эпохе, но без нее культуру и атмосферу того времени тоже понять нельзя.

2. Советские писатели отказывались видеть свою «потерянность», даже когда они рассматривали свою жизнь в трагических тонах, они видели себя, свои поколения едва ли не единственными или, во всяком случае, главными обитателями мира.

3. Могут, но это будет скорее притча.

4. Тема морального выбора в экстремальных ситуациях.

5. Использование любой темы в политических целях может способствовать ее забалтыванию и тому, что она «приедается» надоедает, рутинизируется.

6. Из советских — «А зори здесь тихие...», «Они сражались за Родину», из зарубежных — «Дюнкерк», и во всех этих фильмах показан крупным планом человек, брошенный в чрезвычайные обстоятельства войны.

7. Любое памятное событие по мере роста дистанции времени перестает остро переживаться, но праздник, ставший традицией, может жить бесконечно долго — собы-

тия из жизни Христа отмечают уже почти два тысячелетия, День взятия Бастилии — больше 140 лет и т. д. При этом его смысл может измениться — например, он станет из радостного мрачным как день памяти жертв или будет «отвязан» от одной конкретной войны и «привязан» к войнам вообще.

Мария Черняк, филолог (Санкт-Петербург)

1. Конечно, нет. Практически все было в 90-е и нулевые годы переиздано и до сих пор издается в многочисленных сериях. Иной вопрос о качестве издания и текстологической достоверности текста. Но это уже другая тема.

2. Вопрос сложный и неоднозначный. Ведь советская литература о войне была очень неоднородна, были разные этапы ее развития. Но если говорить о «лейтенантской» прозе, то сходство с литературой «потерянного поколения» очевидно, об этом говорили и В. Быков, и Б. Васильев, и Д. Гранин. Это было связано не только с общим ощущением войны как страшной болезни человечества, но и с тем, что романы «Смерть героя» Р. Олдингтона, «На Западном фронте без перемен» Э.-М. Ремарка и «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя получили свое «новое» прочтение в СССР в начале «оттепели», именно тогда, когда начинает стремительно создаваться «лейтенантская проза». Например, опубликованная в «Юности» в 1969 году повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие», безусловно, вступает в диалог с романом Ремарка, а щемящее «многоточие» в стихотворении А. Твардовского 1968 года «Я знаю, никакой моей вины...» созвучно прозе «потерянного поколения», не состоявшемуся из-за войны, на которой рассыпались их идеалы и ценности.

3. Когда-то отвечая своим критикам, писатель-фронтовик Ю. Бондарев заметил: «Окопная правда для меня в первую очередь — это очень высокая достоверность». Действительно, для авторов «фронтового поколения» война была главным фактором становления их сознательной личности, фактором, наложившим на эту личность особый отпечаток. Однако мне кажется, что нет прямой зависимости качества текста о войне от непосредственного участия в ней автора. Достаточно вспомнить дискуссии о романах С. Алексиевич «У войны не женское лицо», В. Маканина «Асан» и др. Вспомним, что «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого предшествовали «Войне и миру». Возможно, каждый виток развития военной темы имеет определенную логику: от объективации реального жизненного опыта в формате, приближенному к репортажным запискам или очеркам, к аналитизму, ведущему, в свою очередь, к большей форме.

4. Можно ответить просто: у каждого автора свое видение темы войны. Но если говорить обобщенно, то можно вспомнить, что еще Л. Н. Толстой в «Севастопольских рассказах», вскрывая противоречия жизни и смерти, благородства и пошлости, парадного блеска и кровавой изнанки войны, задал тенденцию к ее изображению «в настоящем ее выражении — крови, страданиях, в смерти». Авторы «лейтенантской прозы» наряду с мотивами героического, пафосом освободительной войны ввели в литературу проблемы и темы, ранее табуированные, например нравственный конфликт «двух берегов». В их прозе произошла легитимизация дискомфорта антропологического и социального опыта, их осмысление с неофициальной точки зрения. Смена акцента с массового героизма на раскрытие психологической «правды» о судьбе «простого» солдата, сосредоточение дискурса в зоне нравственности отличает «лейтенантскую прозу». Поэтому, наверное, война — это предмет и гордости, и страдания, и предупреждения.

5. Военная тема — всегда конструкт повышенной степени идеологичности. И использование/присвоение этой темы, безусловно, снижает образ войны.

6. Удачных фильмов о войне очень много. Но назову два главных для меня. Это «Летят журавли» М. Калатозова и «А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого. Неудачных, к со-

жалению, очень много. Прежде всего, они отталкивают своей тотальной фальшью во всем — в сюжете, в актерах, в костюмах, гриме. Яркий пример — это «Утомленные солнцем-2. Предстояние» Н. Михалкова.

7. Надеюсь, устанут праздновать в предложенном ныне формате, но не устанут благодарно помнить об этом святом для всех дне.

Виктория Шохина, литератор (Москва)

1. Нет, конечно! Что было настоящим, то настоящим и осталось. Цензура вообще не может влиять на качество литературы, она может лишь на выходе покалечить или запретить. Более того, у некоторых хороших писателей цензурный гнет даже активизировал творческий потенциал... Сейчас цензуры нет, однако книги о той войне — например, «Соколиный рубеж» Сергея Самсонова (р. 1980) — уступают созданным при цензуре. Но я все равно против цензуры!

2. Сходство только в самом факте переживания военного опыта как такового. Но это разные эпохи и разные войны. Корректнее сравнивать произведения Э. Хемингуэя, Ф.-С. Фицджеральда, Р. Олдингтона, Э.-М. Ремарка с произведениями М. Зощенко, В. Катаева, А. Толстого, прошедших ту же войну, — результат получается очень интересный!

А скажем, книги Бакланова, Бондарева и других наших писателей корректнее сравнивать с книгами воевавших тогда же американцев, таких, как К. Воннегут, Дж. Хеллер, Н. Мейлер. А еще лучше — с книгами немцев — Г. Грасса, Г. Бёлля, З. Ленца... И когда мы сравним, то увидим, что принципиального сходства нет. Потому что наши защищали свою землю и победили, американцы воевали за правое дело и тоже победили, пусть и на чужих землях, ну а немцы проиграли.

3. Все зависит от силы воображения! Хотя... Л. Толстой в «Войне и мире» писал о двух войнах, в которых не участвовал, но у него был военный опыт, полученный на Кавказе и в Крымской войне. В общем, так: теоретически вроде бы можно, но назвать хоть одно такое произведение я не могу.

4. Тема подвига и тема страдания тесно переплетены. Потому и волнуют. Так же, как гордость за предков и сострадание к ним. Но последнее зависит от того, за что и за кого воевали предки. Вряд ли потомки тех, кто воевал в рядах гитлеровской армии, испытывают за них гордость... А сострадание — да, могут испытывать.

5. Скорее, снижает. Впрочем, это относится ко всему, что используется в политических — то есть сугубо прагматических! — целях. Но это неизбежно.

6. Привожу в том порядке, в котором вспомнились: «В августе 44-го», «Женя, Женечка и „катюша“». «Мы из будущего», «А зори здесь тихие...». Эти очень разные фильмы удачны потому, что хорошо, талантливо сделаны.

Особая категория — фильмы военных лет: «Два бойца», «Жди меня», «Дни и ночи», в них трогательное обаяние ретро.

Самые неудачные — те, где много спецэффектов, где все время стреляют и бомбят и завывает сирена. Названий не помню, сливаются в одно.

7. Чтобы новые поколения перестали — не устали, а перестали — праздновать День Победы, надо, чтобы Россию кто-нибудь завоевал, например американцы. А этого никогда не будет. Поэтому День Победы будут праздновать всегда!

Игорь Шумейко, писатель (Москва)

1. Чем более цензура «цеплялась» к фактикам, цифрам, тем тверже (и успешнее) названные писатели, «великая когорта» отстаивали высшую «правду духа». Участни-

кам войны, победителям фашизма, «юнкеров», «тигров»... сусловские ножницы были смешным «противником»! Формулирую с некоторой запальчивостью, в их жизни цензура, возможно, была важным «привходящим фактором», но не на страницах. Более того, кроме «ножниц», вырезания — цензура лезла и с «карандашом», вписыванием «нужного». Что было еще хуже. Вспомнил одного автора, тоже участника ВОВ, правда писавшего в жанре нон-фикшн, — Г. К. Жуков. Цензор с «карандашом» потребовал вписания сцены «военного совета с полковником Брежневым», и... осталась лишь маленькая смешная деталь, анекдот на полях текста. А к названной «великой когорте» добавил бы Твардовского.

2. Возможно.

3. Лев Толстой и «Наполеоновские войны 1805–1812 гг.».

4. Настоящие подвиги, это — Война! Конечно, мы зазубрили со школы «В жизни всегда есть место подвигу», но все ж... Сравнивая с Войной, подвиги на «статской службе» всегда будут напоминать гениальную самоироничную фразу Бургомистра (Игорь Кваша) в «Мюнхгаузене»: «Я каждый день хожу на службу, не скажу, что это подвиг, но...»

Потому и Война — предмет гордости.

5. В одной своей книжке несколько страниц я посвятил опровержению наивной фразе Клаузевица «Война есть продолжение политики...». Прочитировал целый пул историков, ученых, тотально развенчивающих Клаузевица: Мартин ван Кревельд (Martin van Creveld), Брюс Кэттон, Джон Киган, Рассел Уигли (Russell Weigley). Их главный постулат: «Война генерирует собственную политику! Клаузевиц описывает войну, которую хотел бы видеть немецкий доктринер».

По многим причинам наивная пошлость Клаузевица в XX веке стала еще и опаснейшей. Но вышеупомянутый пул историков заглушен. В СССР Клаузевиц царил в цитатах, пересказах Ленина. Гитлер вообще до последних минут... Клаузевиц — последняя персона, упомянутая в завещании Гитлера.

Ближе к нашей теме, из упомянутого пула, оппонент «политичности войны» Джон Киган (John Keegan): «Для многих обществ война обеспечивает больше религиозные, культурные функции, нежели чисто политические». Это написано задолго до того, как юбилеи Победы стали вызывать ворчание, скепсис «в определенных кругах».

В этих ответах не могу привести всю цепь силлогизмов, ведущую от Клаузевица к Гитлеру и... «необходимости сдачи Ленинграда» (даже не злоба диктовала ту «стратегическую мысль», а именно пошло-наивный взгляд на Войну). Но нельзя не привести цитату, представляющую (для многих неожиданно) Клаузевица — героя «Войны и мира»!

Ночь перед Бородино

Пьер Безухов подошел к князю Андрею Болконскому и только хотел начать разговор, как по дороге недалеко от сарая застучали копыта трех лошадей, и, взглянув по этому направлению, князь Андрей узнал Вольцогена с Клаузевицем, сопровождаемых казаком. Они близко проехали, продолжая разговаривать, и Пьер с Андреем невольно услышали следующие фразы:

— Война (Дер криг) должна быть перенесена в пространство (им Раум). Это зрение я не могу достаточно восхвалить, — говорил один...

— О да (О, йа...)

— О, йа...

— Да им Раум, — повторил, злобно фыркая носом, князь Андрей, когда те проехали.

Не считая собрания опровергателей сего интеллектуального гуру для Гитлера, Ленина, Муссолини в нон-фикшн книге, упомяну мой скромный личный вклад, высмеи-

вание его и в «художественном» (пользуясь классификацией Л. Толстого). В одном романе мой персонаж глубокомысленно итожит: «Изнасилование — есть продолжение политики ухаживания другими средствами».

7. Должна произойти... новая мировая война. Она и будет отчасти вызвана той «усталостью».

Юлия Щербинина, филолог (Москва)

1. Однозначно нет. Пушкинские произведения тоже выходили в свет с жесткими цензурными ограничениями — ну и что? На мой взгляд, здесь интереснее другой момент. В публичных дискуссиях часто забывается такое важное понятие, как внутренняя самоцензура говорящего/пишущего.

Одно время по работе мне довелось изучать мемуарную журналистику — записки фронтовых корреспондентов и дневники военных фотографов периода ВОВ. Так вот, почти каждый отмечал, что среди публиковавшихся материалов мало, как сказали бы сейчас, «шок-контента». Но не столько из-за официальных запретов, сколько именно из-за внутреннего самоограничения журналиста, считавшего неэтичным публично демонстрировать излишний натурализм. Часто упоминаются и категорические протесты непосредственных участников событий: солдаты запрещали фотографировать их ранения, матери противились съемкам растерзанных детей и пр.

Так что советская военная классика во всех ее жанрах — художественная проза, мемуарная литература, кинематограф — скорее особый взгляд, а не архаичный формат.

3. Однозначно да. Конечно, дистанцирование отнюдь не всегда гарант объективности, но убедительных примеров немало. Причем в самых разных жанрах — от стихов Владимира Высоцкого до нон-фикшн Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». В современной прозе — Великая Отечественная война в повести Эдуарда Веркина «Облачный полк», афганская война в романе Алексея Иванова «Ненастье».

4. Такая постановка вопроса представляется не вполне корректной. Война — какая бы то ни было! — это факт истории, предмет исследования, моральный урок. Обобщенно-образно — «зарубка на память». Конкретная проблематика определяется не временем, а ракурсом взгляда.

5. Использование войны в политических целях характеризует эти самые цели, но не образ войны. В данном случае Образ Войны — архетип, а всякий архетип — константа, понятие устойчивое и незыблемое.

6. В отличие от современных, советские фильмы в большинстве гораздо более аутентичны, невзирая на пресловутую цензуру. «Семнадцать мгновений весны», «Небесный тихоход», «Хроника пикирующего бомбардировщика», «А зори здесь тихие...» и еще множество лент. Среди немногочисленных позитивных исключений в нынешнем кинематографе — «Звезда» Николая Лебедева по одноименной повести Эммануила Казакевича.

7. Для меня это слишком абстрактный вопрос. Как сказал Шекспир, «мы знаем, кто мы есть, но не знаем, кем мы можем быть». В любом случае счастлива, что не доживу до этого времени.

*Материалы Круглого стола подготовили
А. МЕЛИХОВ и Н. ГРАНЦЕВА*